

18+

У неё были твои
ГЛАЗА

Глеб Северцев

Глеб Северцев

У неё были твои глаза

«Издательские решения»

Северцев Г.

У неё были твои глаза / Г. Северцев — «Издательские решения»,

У следователя Максима Власова пропадает одиннадцатилетняя дочь Алиса. Вскоре находят тело девочки с её глазами. Вместе с психологом Анной Ветровой, страдающей лицевой слепотой, Власов погружается в дело двадцатилетней давности, где стирали лица жертвам. Чтобы спасти дочь, ему придётся узнать страшную правду: чьи глаза смотрели на убийцу без страха и чьи смотрят на него сейчас.

© Северцев Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Парк «Тихий угол»	6
Глава 2. Слепой профиль	10
Глава 3. Ребус «Зеркало»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

У неё были твои глаза

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5000-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Парк «Тихий угол»

Ему снилась вода. Не море и не река — тёмная, стоячая вода в старом колодце, куда он смотрел мальчишкой в деревне у бабушки. Отец тогда сказал: «Не наклоняйся, утонешь». А Максим всё равно наклонился и увидел на глубине не своё отражение, а чьё-то чужое, белое лицо. Тогда он испугался в первый раз в жизни по-настоящему.

Сейчас, сорок лет спустя, он проснулся от того, что телефон завибрировал на тумбочке. Четыре утра. Такое время никогда не предвещает ничего хорошего. Следователи знают это правило: если звонят между тремя и пятью — либо труп, либо предательство.

— Власов, — голос был хриплым со сна. — Слушаю.

Дежурный из управления продиктовал адрес. Парк «Тихий угол». Юго-западный сектор. Тело ребёнка. Девочка, примерно двенадцать лет. Нашли в кустах акации сторожа, который вышел покурить на рассвете.

Максим сел на кровати, растирая лицо ладонями. В пустой квартире пахло пылью и холодным кофе — он забыл выключить кофемашину вечером. Три дня не мыл посуду. Две недели не менял простыни. Жизнь сорокалетнего разведённого мужчины следователя — это не трагедия, это привычка к беспорядку.

Он подошёл к зеркалу в прихожей. Лицо за ночь обросло щетиной, под глазами залегли синие тени. «Красавец, — подумал он без иронии. — Хоть сейчас на роль злодея в сериал». У него была внешность человека, который много видел и перестал удивляться. Тяжёлая челюсть, прямой нос, морщины вокруг рта — не от смеха, от привычки сжимать губы. И глаза. Карие, почти чёрные, глубоко посаженные. Женщины говорили, что они «опасные». Власов знал, что они просто усталые.

Он натянул джинсы, свитер, накинул куртку. Перед выходом замер у стола, где в рамке стояла фотография. Девочка с тёмными волосами, собранными в два хвоста, улыбается в объектив, показывая выпавший молочный зуб. Ей восемь лет на этом снимке. Сейчас Алисе одиннадцать. Он не видел её уже девять дней — Лариса увезла в другой город на весенние каникулы. И даже не прислала ни одного снимка в сообщениях. Обычно присылала. Ей нравилось мучить его фотографиями, где Алиса смеётся, ест мороженое, спит, обнимает чужого кота. Маленькие уколы. Месть за развод.

Он взял телефон, быстро глянул на экран. Нет новых сообщений. Лариса молчит. Это было странно. Лариса никогда не молчала долго, она питалась его беспокойством, как вампир кровью. Но сейчас было не до того.

Власов сунул телефон в карман, взял ключи и вышел из квартиры. Лифт пах кислой капустой — соседка на пятом этаже снова открыла дверь в подъезд. Здание было старым, хрущёвским, с вечно ломающимися домофонами и надписями на стенах. Максим жил здесь три года, после того как отдал Ларисе двухкомнатную в центре. Не из благородства — адвокат сказал: «Отдашь квартиру — сохранишь возможность видеть дочь каждую неделю». Он отдал. А потом оказалось, что Лариса может менять правила когда захочет. Она была мастером правил.

Машина — старенький, но надёжный японский седан с облезлым лаком на капоте — завелась с полоборота. Власов выехал на пустынный проспект. Город спал. Фонари выхватывали из темноты мокрый асфальт — ночью прошёл дождь. Он включил приёмник на волну с новостями, но сразу выключил. Не хотелось слышать о политике, ценах, катастрофах. Ему хватало своей катастрофы.

«Парк „Тихий угол“», — повторил он про себя, сворачивая на шоссе. Место было окраинное, неблагополучное. В девяностые там хоронили жертв разборок. Потом построили коттеджный посёлок, облагородили парк, поставили скамейки и фонари. Но дурная слава осталась.

Труп ребёнка в таком месте — это всегда конец карьеры того, кто вовремя не заметил угрозы. И начала кошмара для того, кому предстоит смотреть в глаза убитой девочки.

Он не знал тогда, что кошмар уже начался. За три дня до его звонка. За неделю. За двадцать лет, если считать от первого раза.

Но об этом Максим Власов узнает позже.

А пока он парковался у полицейского ограждения, перекидывал через плечо ремень служебной сумки и кивал дежурному сержанту. Сырая земля чавкала под ногами. В воздухе пахло прелыми листьями, мокрой корой и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Запахом, который он выучил на первом деле двадцать лет назад. Запах смерти в фазе раннего разложения. Ещё не трупный яд, но уже не жизнь.

— Кто нашёл? — спросил он у суетливого оперуполномоченного в мятом кителе.

— Сторож, гражданин начальник. Григорьев Степан Ильич. Тут сторожка рядом, он вышел, значит, воздуху глотнуть, а она...

— Понял. Эксперты на месте?

— Так точно. Светлана Юрьевна уже внутри, разрешение не давала никому, сказала — только вам.

Светлана Юрьевна была молодой, но невероятно педантичной патологоанатомшей, которую Власов уважал за две вещи: за умение молчать на месте преступления и за то, что она никогда не курила в перчатках. Мелочь, а показатель.

Он подошёл к ограждению из жёлтой ленты. Под ногами хрустел гравий — кто-то не пожалел посыпать дорожки даже в таком захолустье. Фонари всё ещё горели тусклым жёлтым светом, но небо на востоке уже серело. Метрах в десяти, под развесистой акацией, лежало тело.

Девочка лежала на боку, поджав колени к животу — поза эмбриона. Если бы не цвет кожи, можно было подумать, что она спит. Светлана Юрьевна стояла на коленях рядом, что-то записывая в планшет. Её рыжие волосы были стянуты в тугой пучок под шапочкой, на руках — перчатки.

— Доброе утро, Максим Сергеевич, — сказала она, не поднимая головы. — Доброе, конечно, относительно.

— Что скажете?

— Пока ничего хорошего. Времени смерти — примерно восемь часов. То есть около девяти вечера вчера. Удушение, предположительно, верёвкой или ремнём. Следов борьбы нет. Ни царапин, ни синяков на руках, под ногтями — чисто.

— Без сознания была? Или...

— Или доверяла убийце. Или знала его. Или её усыпили чем-то. Окончательно скажу после вскрытия.

Власов переступил с ноги на ногу. Ему не хотелось смотреть на тело. Не потому, что он боялся — он давно перестал бояться мёртвых, они не опасны. Живые опасны. Но дети — это всегда особый круг ада. Он подошёл ближе, опустил на корточки рядом с патологоанатомшей. И тут Светлана Юрьевна произнесла ту самую фразу, которая запустила механизм.

— Ей сделали пластику, — сказала она вполголоса, как будто девочка могла услышать и обидеться. — Лица нет. То есть... оно есть, но не её.

Власов не сразу понял. Он смотрел на профиль ребёнка — бледную щёку, линию скулы, подбородок. И вдруг заметил неестественную гладкость кожи вокруг носа и губ. Как будто кто-то очень талантливый, но совершенно безумный наложил маску. Швы были скрыты под слоем медицинского клея и грима, но Светлана Юрьевна видела то, что не видели другие.

— Изменение формы носа, коррекция век, возможно, подтяжка скулы, — перечисляла она. — Операция сделана профессионально, но не в клинике. В домашних условиях, с хорошим оборудованием. Я таких швов не видела даже у пластических хирургов.

— Зачем? — спросил Власов. — Зачем менять лицо мёртвому ребёнку?

Светлана Юрьевна пожала плечами, что в её позе было неудобно, но она справилась.

— Не мёртвому, — поправила она. — Судя по заживлению тканей, операцию сделали за две-три недели до смерти. Она ходила с этим лицом. Жила с ним. Её могли не узнать собственные родители.

Власов выдохнул. Теперь это дело переходило из разряда «убийство» в разряд «что-то за гранью». Он поднял взгляд — и замер.

Девочка лежала лицом к нему. Не к патологоанатомше, не к фонарям, а именно к нему. И её глаза были открыты.

Идеальные. Зелёные. Светлые, как весенняя листва на солнце. С тёмной каймой по краю радужки и длинными, пушистыми ресницами, которые даже смерть не заставила опуститься. Они смотрели на Власова с укором, с вопросом, с той особенной пугающей ясностью, которая бывает только у мёртвых и у детей, которые видели слишком много.

Максим застыл. В груди что-то ёкнуло, сжалось, потом ударило в горло, в затылок, в кончики пальцев. Он узнал эти глаза. Он видел их тысячу раз: когда кормил дочь кашей, когда водил её в зоопарк, когда она спала, положив голову ему на плечо.

Это были глаза Алисы.

Нет. Невозможно. Совпадение. У многих людей зелёные глаза. У Ларисы, кстати, серые. У её матери — карие. Генетика — сложная штука, зелёный цвет — рецессивный, он мог проявиться через поколение. У бабушки по отцовской линии, говорят, были зелёные. Власов никогда не видел бабушку, она умерла до его рождения, но мать рассказывала.

Руки дрожали, когда он доставал телефон. Экран мигнул — прошёл по лицу разблокировку. Он открыл папку «Алиса», нашёл фотографию, сделанную на прошлый день рождения. Алиса сидела за столом с тортом, на котором горели одиннадцать свечей. Смотрела прямо в объектив. Улыбалась.

Глаза были те же самые.

Не похожие. Те же самые.

Он поднёс телефон к лицу девочки, сравнивая. Та же форма разреза, тот же оттенок зелёного — не бирюзовый, не изумрудный, а именно болотный с золотыми крапинками. Та же чёрная кайма по краю радужки — редкая особенность, генетический маркер. Даже расстояние между глазами — полтора сантиметра, он знал это расстояние, он измерял его мысленно каждый раз, когда гладил дочь по голове и смотрел в её лицо.

— Максим Сергеевич? — голос Светланы Юрьевны донёсся как сквозь вату. — Вам плохо? Вы побледнели.

— Нет, — сказал он. — Всё нормально. Продолжайте.

Он убрал телефон, встал, шагнул назад. Ноги ватные. Он следователь с двадцатилетним стажем, он видел оторванные головы, сожжённые тела, детей в мешках для мусора. Но чтобы глаза убитой девочки оказались глазами его дочери? Этого с ним не было. И он не знал, как с этим быть.

— Кто она? — спросил он, кивнув на тело. — Объявлений о пропаже не поступало?

— Пока нет, — отозвался сержант, который всё это время стоял в отдалении. — Но утро только началось, может, заявят позже.

— Оденьте, — приказал Власов. — Я хочу, чтобы её не фотографировали, пока не придёт мой специалист. И никому ни слова о глазах. Слышите? Ни одной утечки в прессу.

— Так точно.

Он отошёл к машине, достал сигарету — старую привычку, от которой не мог избавиться, хотя обещал Алисе бросить. Затянулся, чувствуя, как никотин растекается по крови, успокаивая бешеный пульс. Рука всё ещё дрожала. Он посмотрел на экран телефона. Нет сообщений от Ларисы. Он набрал её номер. Гудки. Пять, шесть, семь. Никто не взял.

Сбросил. Набрал Алису. Телефон дочери был отключён — Лариса всегда отключала его на ночь, объясняя это тем, что излучение вредит детскому мозгу. Власов знал, что дело не в излучении, а в контроле.

Он докурил, затушил окурок о подошву ботинка и сунул его в карман — привычка не оставлять улики, выработанная годами. Потом достал блокнот и записал то, что его сейчас волновало больше всего, хотя это выходило за рамки служебного расследования.

«Проверить ДНК жертвы. Сделать тайно».

Потому что если глаза не соврали — если эта девочка каким-то невероятным образом связана с Алисой, — то Лариса не просто молчит. Лариса в бегах. И Алиса в опасности. А он, Максим Власов, не имеет права этого допустить.

Он работал следователем достаточно долго, чтобы знать: совпадений не бывает. Есть только закономерности, которые мы пока не умеем видеть. И та, которая сейчас разворачивалась перед ним, пахла кровью и вековой тайной.

В парке «Тихий угол» начинался самый страшный день в его жизни. Он этого ещё не знал. Но скоро узнает.

Глава 2. Слепой профиль

Через два часа после прибытия Власова на место преступления в парке «Тихий угол» к нему подошёл капитан Игнатьев — высокий лысый мужчина с багровым лицом гипертоника — и доложил, что в управление вызвали психолога.

— Консультанта, — поправил Власов, не оборачиваясь. — Психологи не работают на местах убийств. Это профилировщик. И кто?

— Женщина. Некая Анна Ветрова. Я слышал, она из академии — кандидат наук, диссертация по поведенческим паттернам серийных преступников. Молодая, но, говорят, крутая.

— Самоуверенная?

— Не знаю. Я её не видел.

Власов не любил профилировщиков. В теории они были полезны — психологический портрет преступника, анализ места преступления, вероятный социальный статус. Но на практике большинство из них были либо бывшими следователями, которые решили, что умнее всех, либо академическими теоретиками, которые ни разу не видели трупа и рассуждали о мотивах с высоты своих диссертаций. Последние раздражали особенно.

Он повернулся к новому человеку, которого заметил в десяти метрах — она стояла у ограждения, переговариваясь с Игнатьевым, и нервно теребила ремешок сумки, перекинутой через плечо.

Ветрова оказалась моложе, чем он ожидал. Лет тридцать пять, плюс-минус. Волосы пепельные, собранные в пучок на затылке, несколько прядей выбились и падали на лицо. Одета просто: тёмные брюки, водолазка, длинное пальто. Никакой косметики. Никаких украшений. Внешность, которую трудно запомнить: правильные черты, бледная кожа, спокойные серые глаза.

Но когда она подошла ближе, Власов заметил кое-что странное. Её взгляд не фокусировался на лицах. Она смотрела как-то мимо — не на нос, не на глаза, а как будто на точку между ними или за ними. При этом она ни на что не натыкалась, шла уверенно, но на людей смотрела так, словно запоминала не их внешность, а что-то иное. Походку. Жесты. Голос.

— Максим Сергеевич Власов? — спросила она ровным, спокойным голосом. — Меня зовут Анна Ветрова, меня направили к вам для совместной работы.

— Слышал, — буркнул он, не протягивая руки. — Вы психолог?

— Профилировщик. Есть разница.

— Какая?

— Психолог слушает и сочувствует. Я слушаю и анализирую. Можете не здороваться за руку, я всё равно не запомню ваше лицо.

Власов удивлённо поднял бровь. Прямолинейность была необычной.

— Не запомните?

— У меня прозопагнозия, — сказала Анна так же спокойно, как если бы сообщила, что у неё близорукость. — Лицевая слепота. Я не различаю лица людей. Но я запоминаю голоса, походки, запахи, детали одежды. Этого достаточно.

Он не нашёлся что ответить. За двадцать лет работы он встречал многих странных людей — маньяков, эксгибиционистов, серийных поджигателей с синдромом Питера Пэна. Но профилировщика с прозопагнозией — впервые. Это всё равно что нанять слепого гида в горы. Или, точнее, нанять гида, который не видит вершину, но чувствует каждый камень под ногами.

— Покажете тело? — спросила Анна, не дожидаясь реакции.

Власов кивнул и повёл её через жёлтую ленту. Светлана Юрьевна уже закончила первичный осмотр и отошла в сторону, снимая перчатки. Девочка всё ещё лежала на боку, теперь накрытая простынёй.

— Я должна посмотреть на лицо, — сказала Анна.

Власов откинул простыню. Девочка смотрела в небо своими зелёными глазами. Анна опустила на корточки, долго разглядывала лицо, но не так, как разглядывают обычные люди — в поисках красоты или уродства. Она смотрела профессионально. Отмечала асимметрию, следы швов, неестественные изгибы. Потом провела пальцем по лицу жертвы — осторожно, как слепой, читающий брайль.

— Пластика, — сказала она. — Качественная. Ей изменили форму носа, подтянули скулы, сделали кантопексию — это подтяжка внешнего угла глаз. Операция стоила не меньше двух тысяч условных единиц, но сделана не в клинике. В домашних условиях, но с хорошим оборудованием.

— Патологоанатом сказала то же самое.

— Я не патологоанатом. Я смотрю на это как на послание. Зачем менять лицо ребёнку? Чтобы скрыть личность. Но если скрыть — зачем оставлять глаза открытыми? Глаза — самая узнаваемая часть лица. Их невозможно изменить без риска ослепнуть. Поэтому их не трогали. Убийца хотел, чтобы смотрели именно в глаза.

— И что мы видим?

Анна поднялась, отряхнула колени.

— Я вижу зелёные глаза. Статистически редкий цвет — около двух процентов населения. А у детей ещё реже. Убийца не выбирал жертву случайно. Он искал именно такой цвет. Вопрос: зачем?

— Фетиш? — предположил Власов. — Некоторые коллекционируют волосы, некоторые — одежду.

— Слишком сложно для фетиша. Пластика, удушение, татуировка на затылке — это ритуал. Фетишисты обычно действуют проще. А здесь — архитектура преступления. Каждая деталь выверена. Обратите внимание: она одета в чистую, новую одежду. Не из магазина — на заказ. Джинсы сшиты по индивидуальной мерке, куртка — итальянский трикотаж. Убийца заботился о внешности жертвы. Он не просто убил — он подготовил её к смерти, как модель к показу мод.

Власов невольно присмотрелся к одежде девочки. Джинсы действительно сидели идеально, без единой складки. Куртка была тёмно-синей, мягкой на ощупь, с аккуратными швами. Туфли — кожаные, без единой царапины. Даже носки — белые, накрахмаленные.

— Родители не заявляли о пропаже, — сказал он. — Может, она из неблагополучной семьи?

— Исключено, — отрезала Анна. — Такая одежда стоит больших денег. Пластика — ещё больше. Если бы ребёнок воспитывался в асоциальной среде, эти деньги пошли бы на что-то другое — алкоголь, наркотики. Здесь другое. Здесь заботятся о внешности, но не заботятся о душе. Или заботятся слишком извращённо.

Она обошла тело, с другой стороны, нагнулась, посмотрела на затылок.

— Татуировка. Слово «Помнишь?». Написано каллиграфическим почерком, с завитушками. Такие тату делают в дорогих салонах мастера по эскизам. Это не тюремная наколка. Это искусство. Знаете, что это значит?

— Что убийца имеет деньги и вкус.

— И что он задаёт вопрос. Не нам — жертве. Или кому-то, кто должен увидеть это сообщение. «Помнишь?» — о чём? О моменте похищения? О прежней жизни? О лице, которое у неё было до операции?

Власов молчал. Его мысли крутились вокруг другого — вокруг зелёных глаз, которые смотрели на него с фотографии дочери. Но он не мог сказать об этом Анне. Не сейчас. Не тогда, когда он сам не был уверен.

— Составите профиль? — спросил он вместо этого.

— Я уже начала, — ответила Анна. — Возраст — сорок пять-пятьдесят пять. Мужчина. Высокий интеллект, скорее всего высшее образование. Материально обеспечен. Не женат или разведён — семья мешала бы его увлечениям. Профессия, связанная с кожей: хирург, тату-мастер, реставратор кожи. Возможно, работает в похоронном бюро. Имеет доступ к химикатам и медикаментам.

— Стандартный портрет, — усмехнулся Власов. — Таких по стране сотни.

— Не перебивайте, — Анна говорила ровно, но в голосе появились стальные нотки. — Кроме того, он не садист. Жертва не мучилась. Удушение — быстрый способ. Чистый. Он не получает удовольствия от боли. Он получает удовольствие от процесса подготовки. Для него убийство — это финальный штрих. Как поставить подпись на законченной картине. Поэтому он не насилует, не бьёт, не уродует тело. Он его *оформляет*.

— Что ещё?

— Он ищет не детей. Он ищет взгляд. Взгляд в момент страха. Именно тогда, по его мнению, глаза раскрываются полностью, становятся бездонными. Он хочет запечатлеть этот взгляд — не на фото, не на видео, — а в своей памяти. И потом переживать снова и снова. Это не коллекция тел. Это коллекция эмоций.

Власов почувствовал, как по спине пробежал холод. Он видел таких — не маньяков в киношном смысле, с пеной у рта и безумным смехом. А расчётливых, аккуратных, как хирурги. У них всегда чистые ногти и гладко выбритые лица. Их невозможно отличить от обычных людей, пока не заглянешь в их внутренний мир.

— У вас есть дети, Анна? — спросил он внезапно.

Она помолчала секунду.

— Нет.

— Тогда вы не знаете, что такое смотреть в глаза своего ребёнка и бояться.

— Я знаю, что такое бояться, — тихо ответила она. — Просто по-другому.

Их разговор прервал звонок телефона. Власов взглянул на экран — неизвестный номер. Он ответил, ожидая услышать дежурного или кого-то из начальства. Но голос в трубке был женский, хриплый, сорванный:

— Максим... это Лариса.

Он замер. Лариса никогда не называла его по имени. Всегда «ты» или «Власов», если злилась. И голос у неё был странный — не истеричный, не злой, а какой-то пустой. Как у человека, который кричал так долго, что потерял голос.

— Что случилось? — спросил он, отходя в сторону от Анны и тела.

— Алисы нет.

— Что значит «нет»?

— Мы... мы приехали в гостиницу три дня назад. Всё было нормально. А вчера я пошла в магазин, оставила её в номере — она хотела рисовать. Вернулась через час — её не было. Телефон отключён. Я ждала, думала, она гуляет... но её нет. Я не спала всю ночь, объездила всё...

— Почему ты не позвонила раньше?!

— Я думала, она вернётся, — голос Ларисы дрогнул. — Она всегда возвращалась, когда злилась. А здесь — нет. Я не знаю, что делать. Полицию я побоялась вызывать, думала, если она просто сбежала, её поставят на учёт...

Власов закрыл глаза. Щипцы сжимали виски. Перед глазами стояли зелёные глаза мёртвой девочки. И зелёные глаза Алисы с фотографии.

— Слушай меня внимательно, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Ты сейчас будешь сидеть в номере и никуда не выходить. Я приеду через два часа. Если позвонит Алиса или кто-то ещё — не паникуй, запиши номер. И никому не рассказывай

о том, что она пропала. Никакой полиции, никаких волонтеров, никаких постов в интернете. Поняла?

— Но почему?..

— Потому что, возможно, её ищут не только мы.

Он сбросил звонок и повернулся к Анне, которая всё смотрела в сторону тела, не на него.

— Мне нужно уехать, — сказал он. — Сможете закончить осмотр без меня?

— Смогу. Но вы что-то скрываете, Власов.

Это был не вопрос. Утверждение.

— Все что-то скрывают, — ответил он, направляясь к машине. — В том числе и вы.

— Я психологическое недоразумение, — спокойно сказала Анна ему в спину. — А вы — отец, чья дочь пропала. Я слышала ваш разговор. Вы говорили на две октавы выше обычного. У мужчин это случается только при сильном страхе за близких.

Власов остановился. Обернулся.

— Вы не могли слышать, что сказал собеседник.

— Ваших слов хватило. «Почему ты не позвонила раньше», «сиди в номере», «никому не рассказывай». Дочь пропала. И вы боитесь, что она связана с убитой здесь девочкой.

— С чего вы взяли?

— С того, что вы дважды посмотрели на телефон, когда увидели глаза жертвы. И с того, что кожа на вашей шее побелела — вы сжали челюсть. Это реакция человека, который узнал что-то личное на месте службы. Я ошибаюсь?

Он стоял, сжимая ключи от машины так, что они впивались в ладонь. Эта женщина — эта слепая на лица, но зрячая на детали — только что разобрала его по косточкам за три минуты общения.

— Не ошибаетесь, — признал он. — Но это моё личное дело.

— Теперь — наше, — Анна сделала шаг вперёд. — Если жертва и ваша дочь связаны, это уже не два разных расследования. Это одно дело. И я хочу его раскрыть. Не ради вас. Ради той девочки, что лежит под простынёй. И ради той, что ещё может быть жива.

Власов смотрел на неё. Серые глаза, которые не могли запомнить его лица, смотрели куда-то в район его подбородка. Но в них была такая сила, что ему стало не по себе. Он вдруг понял: эта женщина не видит лиц, зато видит души.

— Хорошо, — сказал он. — Поехали со мной. По дороге расскажу.

Они сели в машину. Анна пристегнулась, положила сумку на колени. В салоне пахло кофе и табаком. Она поморщилась — не от запаха, а от того, что поняла: Власов курит в машине, хотя на дверце висит наклейка «Не курить».

— У вас дочь, — начала она, когда они выехали на шоссе. — Алиса. Одиннадцать лет. Глаза зелёные.

— Да. Такие же, как у убитой.

— Вы уверены?

— Я видел эти глаза каждый день одиннадцать лет. Я узнаю их из тысячи.

— Тогда у вас две проблемы. Первая — ваша дочь пропала. Вторая — неизвестный делает пластические операции детям, а потом убивает. Если между ними есть связь, то Алиса в смертельной опасности.

— Я знаю, — сказал Власов. — Поэтому и еду к бывшей жене. Она в другом городе, я должен её увидеть, задать вопросы.

— Какие вопросы?

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Например, откуда у Алисы зелёные глаза. У меня — карие. У Ларисы — серые. У наших родителей — тоже ни у кого нет зелёных. Я не биолог, но что-то здесь не сходится.

Анна не удивилась, не ахнула. Она просто кивнула, как кивают, когда слышат ожидаемое.

— Вы считаете, что Лариса могла скрывать правду о происхождении Алисы?

— Она может скрывать что угодно. Она вообще человек-секрет. Мы развелись, потому что я устал жить с женщиной, у которой всегда были недоговорки. Она не врала прямо — она просто недоговаривала. А недоговорки хуже лжи.

— И сейчас она недоговаривает о том, где была Алиса в последние дни?

— Я не знаю, что она недоговаривает. Потому что она вообще не говорит. Она позвонила только сегодня утром, хотя дочь пропала вчера днём.

Машина выехала на трассу. Город остался позади — сначала многоэтажки, потом частный сектор, потом поля. Власов ехал быстро, почти на пределе разрешённого, но в голове у него было ещё быстрее.

— Вы знаете, — сказала Анна после долгого молчания, — у меня была младшая сестра. Власов покосился на неё.

— Была?

— Умерла. Когда мне было семь, ей было пять. Её убили. Тоже девочку. Тоже нашли в парке. Тоже смотрела в небо открытыми глазами.

Он не нашёлся что ответить. В зеркале заднего вида мелькнул указатель: до города, где ждала Лариса, оставалось пятьдесят километров.

— Поэтому я стала профилировщиком, — продолжала Анна. — Не из любви к науке. Из ненависти к тем, кто так и не был пойман. Убийцу моей сестры не нашли до сих пор. Мне тридцать пять, а я всё ещё помню её глаза. Голубые. Они были голубые, как у мамы.

— И вы думаете, что сейчас у вас есть шанс найти того, кто убивает других девочек?

— Я не думаю. Я знаю. Потому что тот, кто убил мою сестру, был аккуратен. Оставлял чистые тела, без следов борьбы. Подготовленные. Одетые в новую одежду. И всегда — глаза открыты. Я узнала почерк, когда увидела девочку в парке. Это он. Тот же самый. Через двадцать лет.

Власов почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику.

— Вы уверены?

— Уверена на девяносто процентов. Остальные десять — покажу после вскрытия.

Они замолчали. Каждый думал о своём. Власов — о том, что его дочь, возможно, стала целью маньяка, который охотится двадцать лет. Анна — о том, что наконец-то, через два десятилетия, ей выпал шанс встретиться с прошлым лицом к лицу. Или, точнее, глаза в глаза.

Глава 3. Ребус «Зеркало»

Гостиница «Прибой» оказалась двухэтажным зданием из серого кирпича, прилепившимся к автовокзалу. Власов заглушил двигатель, вышел из машины, огляделся. Городок был маленький, провинциальный — одно название от города. Ряды частных домов с покосившимися заборами, пара магазинов, церковь с облезлым куполом. И тишина. Даже собаки не лаяли.

— Почему она выбрала это место? — спросила Анна, выходя следом.

— Понятия не имею. Лариса никогда не объясняла своих решений. Говорила, что хочет сюрприз.

Он вошёл в холл, пропахший хлоркой и жареной картошкой. Администраторша — толстая женщина с пергидрольными волосами — подняла глаза от журнала.

— Вы к кому?

— Номер семнадцать, Лариса Власова, — Максим показал удостоверение. — Следственный комитет.

Женщина испуганно заморгала, но ничего не сказала, только махнула рукой в сторону лестницы.

Номер семнадцать находился в конце коридора. Власов постучал — тихо, потом громче. Дверь открылась не сразу. Лариса стояла на пороге — бледная, растрёпанная, в мятом халате. Ей было тридцать семь, но сейчас она выглядела на все пятьдесят. Под глазами залегли тени, губы потрескались, волосы висели сосульками.

— Приехал, — сказала она без удивления. — А это кто? — кивнула на Анну.

— Консультант. Анна Ветрова. Она поможет найти Алису.

Лариса хотела возразить, но не стала. Просто отошла в сторону, пропуская их внутрь.

Номер был маленький — две кровати, шкаф, стол, телевизор. На столе — детские рисунки. Алиса рисовала акварелью, оставляя после себя бумажный хаос. Власов подошёл, взял верхний рисунок. Девочка с зелёными глазами, похожая на Алису, держала за руку женщину с серыми глазами — Ларису. Подпись: «Мама и я».

— Когда она это нарисовала?

— Вчера утром, — Лариса села на кровать, обхватила себя руками. — За час до того, как ушла в магазин. Я сказала ей: «Порисуй, я скоро», и ушла. А когда вернулась...

— Ты закрыла её одну в номере?

— Она часто оставалась одна! Это не проблема, она самостоятельная девочка, у неё телефон, ключ от номера... — голос Ларисы сорвался. — Я не знала, что она выйдет. Она никогда не уходила без спроса.

Анна молча осматривала номер. Обвела взглядом кровати, шкаф, окно. Подошла к подоконнику, посмотрела на улицу. За окном была автостоянка и пустырь, заросший бурьяном.

— Окно не открыто, — заметила она. — Значит, вышла через дверь. Ключ был у неё. Никаких следов взлома, значит, ушла добровольно. С кем-то, кому доверяла.

— Или кто её заставил доверять, — добавил Власов.

Лариса вскинулась:

— Что значит «заставил»?!

Он не ответил. Вместо этого подошёл к шкафу, открыл дверцу. Внутри висела одежда для двоих — вещи Ларисы, платья, брюки, и детские куртки, джинсы. Всё аккуратно разложено.

— Что-нибудь пропало? — спросил он.

— Я не проверяла, — призналась Лариса. — Я в панике была.

— Проверьте сейчас.

Она встала, неверными руками начала перебирать вещи. Власов наблюдал. Руки Ларисы дрожали — не от холода, от страха. И от чего-то ещё. Может быть, от чувства вины.

— Куртки нет, — сказала она наконец. — Синей куртки, она её любила. И рюкзака — маленького, с единорогом. Телефон, конечно, тоже.

— Деньги?

— Я дала ей карманные деньги, тысячу рублей. Они были в рюкзаке.

Анна задумчиво постучала пальцем по подбородку.

— Если ушла с кем-то, кого знала, то могла взять вещи. Если похитили силой — рюкзак и куртка не нужны. Скорее всего, её пригласили куда-то, и она согласилась. Добровольно. Без паники.

— Или её обманули, — сказала Лариса. — Сказали, что я в больнице, что что-то срочное... она доверчивая.

— Вы знаете, с кем она могла уйти? — спросила Анна.

— Ни с кем. Мы здесь никого не знаем. Я специально выбрала этот город, чтобы никто не мешал. Чтобы побыть вдвоём с Алисой.

— Зачем? — Власов повернулся к бывшей жене. — Зачем надо было уезжать так далеко, чтобы побыть вдвоём? Вы могли остаться в городе, ездить в парк, в кино, на речку. Зачем этот захолустный отель?

Лариса отвела взгляд. Этот жест он знал слишком хорошо. Когда она не хотела говорить правду, она всегда смотрела в сторону — направо, в угол, под ноги.

— Лариса.

— Я не хотела, чтобы ты знал, где мы, — выдохнула она. — Ты бы приезжал, путал планы. Отвлекал. А я хотела, чтобы только мы с Алисой.

— Ты два года меня не пускала дальше школьной раздевалки. И вдруг испугалась, что я буду мешать? Не ври.

Она молчала. Анна стояла в стороне, не вмешиваясь, но её серые глаза — вернее, их направление — были устремлены на Ларису.

— Я получила угрозы, — сказала Лариса после долгой паузы. — В интернете. Кто-то писал, что... что Алиса не моя дочь. Что я должна вернуть её настоящей матери. Что если не верну, то...

— То что? — Власов шагнул к ней.

— То меня убьют. А Алису... Алису заберут.

В комнате повисла тишина. Власов переваривал услышанное. Анна молчала, но её брови слегка приподнялись — единственный признак эмоций на её лице.

— Ты получила угрозы, — медленно повторил Максим. — И вместо того чтобы обратиться в полицию, ты увезла Алису в глухой город, поселилась в дешёвом отеле и оставляла её одну в номере?

— Я думала, что здесь нас никто не найдёт! — Лариса почти кричала. — Я сменила номера телефонов, отключила все социальные сети... я не знала, что они могут выследить!

— Кто — они?

— Я не знаю! — Она закрыла лицо руками. — Письма были без подписи. Но тот, кто писал, знал про нас всё. Про то, что Алиса не спит в полнолуние, что она боится собак после того, как её укусила дворняга... даже то, что у неё шрам на левой ноге от велосипеда. Как будто кто-то за ней наблюдал.

— Давно это началось?

— Месяц назад. Сначала просто сообщения — «ты не мать», «отдай ребёнка». Я не обращала внимания, думала, тролли. Потом стали фото — вот она в школе, вот в парке, вот в магазине... с расстояния, через телеобъектив. Тогда я испугалась.

Власов вытащил телефон, нашёл фотографию убитой девочки в парке «Тихий угол» — Светлана Юрьевна успела скинуть ему снимок без лица, только одежда и приметы.

— Ты видела эту девочку? — спросил он, показывая экран Ларисе.

Та посмотрела, помотала головой.

— Нет. А кто это?

— Ребёнок, которого убили вчера в нашем городе. В парке «Тихий угол».

— Ужас... а при чём здесь я?

— У неё зелёные глаза. Такие же, как у Алисы.

Лариса побледнела ещё сильнее — казалось, дальше некуда, но она смогла.

— Ты думаешь, что... что этот маньяк и тот, кто угрожал мне... один и тот же человек?

— Не знаю, — честно сказал Власов. — Но я должен это проверить. Поэтому сейчас мы сделаем следующее: я позвоню в управление, объявлю Алису в розыск. Оперативно, но без огласки — чтобы не спугнуть похитителя. Ты останешься здесь, будешь ждать звонка. Никуда не выходи. И ответь мне на один вопрос.

— На какой?

— Почему ты уверена, что Алиса не твоя дочь?

Лариса вздрогнула.

— Я не говорила, что уверена. Я сказала, что угрожали.

— Ты сказала: «письма были без подписи, но тот, кто писал, знал про нас всё». Ты не удивилась, когда прочитала, что Алиса не твоя. Ты не сказала «это бред», не сказала «это ложь». Ты испугалась и увезла её. Значит, ты допускаешь такую возможность. Почему?

Она сжалась, стала маленькой, незаметной, как будто пыталась исчезнуть.

— Потому что... я не рожала Алису.

Власов замер. Анна сделала шаг вперёд, её лицо — обычно бесстрастное — застыло в напряжённом ожидании.

Что значит «не рожала»? — переспросил он, хотя каждое слово давалось с трудом.

— Я не могу иметь детей, — выдохнула Лариса. — У меня удалена матка после внематочной беременности. Я не говорила тебе, потому что... потому что стыдно. И боялась, что ты уйдёшь.

— Я женился на тебе, когда Алисе было два года. Ты говорила, что родила её от первого брака.

— Враньё. Всё враньё. Я взяла Алису из... из одной организации. Законно, через все инстанции. Это было шесть лет назад, когда ей было пять. До этого она жила в приюте.

— В каком приюте?

— Я не помню название. Это было далеко, на Урале. Я специально выбрала подальше, чтобы никто не узнал.

Власов почувствовал, как пол уходит из-под ног. Шесть лет он считал Алису своей дочерью — и она была его дочерью, не в юридическом смысле, а в человеческом. Но глаза... эти зелёные глаза, которые не могли быть ни его, ни Ларисиными, — теперь они получали объяснение. Алиса была чужой. Не по крови. Но по жизни — самой что ни на есть родной.

— Ты знаешь её настоящих родителей? — спросила Анна тихо.

— Нет. В документах было написано, что мать лишена прав, отец неизвестен. Мать была несовершеннолетней, уголовное дело закрыто за давностью лет.

— Какое уголовное дело?

— Я не вникала. Мне сказали, что девочку изъяли из семьи в младенчестве, до года, потом она в приюте. Всё чисто. Я проверила через знакомого юриста — никаких ограничений.

Власов отошёл к окну, упёрся лбом в холодное стекло. За стеклом — серое небо, серый пустырь, серая жизнь. Он думал о том, что Алиса — не его кровь. Потом о том, что это ничего не меняет. Потом о том, что убитая девочка с глазами Алисы — может быть, её биологическая сестра. Или она сама, но с изменённым лицом — нет, бред, не может быть, Алиса жива, Лариса только что с ней разговаривала вчера...

— Мне нужно взять ДНК Алисы, — сказал он, обернувшись. — Вещи, расчёску, зубную щётку. Всё, где остались её клетки.

— Зачем? — Лариса испуганно посмотрела на него.

— Чтобы сравнить с той девочкой из парка.

— Но это же не Алиса! Алиса жива!

— Я знаю. Но, возможно, они сёстры. И если это так, то её похититель... он не просто маньяк. Он тот, кто охотится за родственниками.

Анна кивнула, подтверждая его мысль.

— Если у убитой девочки и Алисы общее происхождение, то мы имеем дело не со случайной жертвой. Кто-то целенаправленно собирает детей с определённым фенотипом. Или с определённой родословной.

— Зачем? — спросила Лариса.

— Затем, что они видели то, что не должны были видеть. Или несли в себе то, что кому-то нужно. Гены, воспоминания, способности... в этом мире люди убивают и за меньшее.

Власов достал телефон, набрал номер дежурного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.